

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ОДИНЦОВ

(Автобиография)

„Дед мой был кузнец, работал на Александровском заводе. Семья 7 человек детей, а всего девять человек. Работал до старости. Надевали на деда армяк, кушаком подпоясывали, до угла провожали. Он идет, руками машет, чтобы разошлись. Отец до 20 лет работал в кузнице, это пока крепостное право было, а когда дали „свободу“ в 61 году, получились у них разногласия. Был начальник Бутенов, и вот он такую пропаганду вел: „Вам будет лучше, если не примете волю“. Молодежь стала бузить. Отец мой с завода вышел.

С 9-летнего возраста отдали меня учиться в приходскую школу, раньше в гимназию не попадешь. В этой приходской школе я учился три года; перешел в 3 класс. На экзамене дали мне читать молитву: „Верую“. Ну, она молитва долгая, и я по закону божьему ни черта не знал, и меня выгнали.

Явился вечером домой, мать спрашивает:

– А ты где был, молодец?

– В школе.

– Какая школа, когда час ночи.

Я сказал: не перевели, а не сказал, что выгнали.

На другой день пошли в школу. Приходим к учителю Ядрышеву – худой старик, бил нас здорово. Вот мать и спрашивает:

– Почему мой мальчонка...

– А его, – говорит, – выгнали, закона божьего не знает.

Она просит. А он: – Нет, нет!..

Хотели меня отправить в Питер в ученье, отец уже с мужиком сговорился, с вербовщиком. Раньше в декабре месяце ребят возили в Питер продавать, в мастерские там.

Ну, не охота мне, другие ребята были посланы, сбежали, житье было плохое у подростков.

Я как услышал разговор, ушел в холодную баню, под полом сижу. Искали меня, чуть до полиции не дошли.

На Онежском заводе проработал 43 года. Тяжелая была работа. В неделю два раза сменяли рубашки, но не эти рубашки, а холщевые рубашки.

Никаких приспособлений не было, не было ни молотов паровых, своими руками, своей силой. Если возвратиться к тому времени, как мы работали, сначала 12 часов, а потом 10, так это были мы как часы в кузнице, маятник.

Если хорошо заработать, – ведь это надо жизнь отдать. При этой работе кузнецы и молотобойцы падали от жары.

Фугасные ефраны мы работали. Например, две пары у меня в горне нагревали два молотобойца. Бьют. Отбили, закруглили и вот молотобойцам до шабаша 8 часов отстоять. Как маятнику вручную работать.

А что мы ели? – Хлеб да воду, а осенью вырастет картошка, так едим, а к весне посолить хлебца нечем, еще мастер насмехается, да еще подплясывает, проклятый. Ну, вот, возьмешь 100 рублей на год, 10 рублей с вас и вычитают... штрафы, да потом священнику, на иконы тут к празднику. Иногда придешь получать, скажут: „Ну-ка, рубрик с тебя надо получить, не хватает, не доработал“, – а месяц работал.

А семье тут как угодно надо было жить.

О начальстве: в 1907 году был у нас инженер Егорьевский. Такая сволочь. Иной раз в проходе ли там, у нас ли

в цеху кто-то скажет: „Эй (мать) царя и бога“. Егорьевский: „Найти, кто недоволен!“

В субботу спрашивают: „Кто недоволен?“.

Мы не знаем кто.

Вот я однажды сидел, сидел, подхожу:

– Ваше благородие, я матюгался, когда вы тут шли.

Кончили работу, а за нами сыщики. Иду в контору утром в понедельник, меня и не пускают.

Я спрашиваю:

– Почему?

– Егорьевский распорядился.

Поработал в другом месте, в завод вызвали: таких кузнецов не было. Другой раз работы не было. Идем во двор к начальнику. Пообещает и тем кончится, отправляйтесь. Еще чище, когда Куропаткин мошенник приехал. Нас, как дураков: ворота растворили, в воротах все на коленки!..

– В чем дело?

– Да вот работы нет.

Он:

– Да, да, у вас дома огороды, капусту садите, картошку.

Сел и до свидания! С пятого года пошло у нас маленько. Необходимость отпора чувствовал каждый рабочий.

Были здесь меньшевики и эсеры. Ну, рабочий на стороже был. Им этот номер не прошел. После 1905 года рабочий сознательнее стал. Пошли кружки, митинги. В 1917 году приехали рабочие из Ленинграда. Вот, – говорят, – большевики есть, Ленин. Я один из первых и записался, сперва как бы нелегально.

Связались потом с железнодорожниками. В 1919 году все пошли в красногвардейцы.

Дед кузнец, отец кузнец и я кузнецом всю жизнь был.

Вот вам и сказ мой“.